

Гул

Какой-то звук громко отдавался у него в ушах. Начавшаяся стимуляция постепенно пробудила притупившиеся ощущения. Вскоре холод распространился по всему телу, и мурашки побежали по коже Ыню от четкого ощущения, будто что-то скользкое и гибкое обвивается вокруг него.

— Мгх..

Низкий стон сорвался с губ Ыню. Он медленно поднял веки, чтобы убедиться, что по его телу скользит холодное существо. Его взгляд застыл на переплетающихся ветвях болотных деревьев, затмевавших небо над головой, и больших листьях тропических деревьев темных оттенков.

Ыню постарался повернуть голову, но обнаружил, что не может ей пошевелить. По какой-то причине ему показалось, будто он парализован. Его ощущения были четкими, но тело не подчинялось контролю.

— Ух...

Шелест

Звук, похожий на взмахи крыльев насекомого, продолжал шумно проникать в его уши. Подняв взгляд в небо, закрытое ветвями деревьев, Ыню отчаянно попытался противостоять ощущению, окутывающему тело. С каждым прикосновением этого существа у него странно повышалась температура, сердце билось сильнее и кровь прилиwała к голове.

Существо, обвившее его, парализовало разум Ыню и пробудило дремлющие глубоко внутри него желания. Дрожь от незнакомого ощущения, как будто его тело покалывало, Ыню беспомощно издал жаркий выдох и слабо дернул конечностями. Ему нужно было понять, почему он это испытывает, и все же совершенно обездвиженное тело не повиновалось его командам.

— Ах... хм...

Сколько времени это длилось? Ыню все больше и больше поглощали странные ощущения. Теперь незнакомое прикосновение скорее возбуждало его. Его голос стал звучать развратнее из-за жарких стонов, которые Ыню даже не мог понять. Не только голос, но и движения обмякшего тела как будто стали увереннее.

Конечности, оцепеневшие, словно от паралича, медленно расслабились; что-то набухло в груди, у него тянуло желудок, и нервы по всему телу затрепетали. Следуя инстинктам, Ыню

плавно задвигался. Он повернул голову, теперь сумев двигаться свободно, и перевел взгляд с неба куда-то в другое место.

Когда он повернул голову, чтобы посмотреть на свое тело, то заметил странную вещь, опутавшую его. Казалось, не только тело, но и его мозг окоченел, отчего ему сложно было точно понять, что именно это такое. Нет, он смутно понимал, что за существо обнимает его. И он знал, что оно не одно, их много.

Однако он не мог точно вспомнить, что это такое. Ыню не понимал, каково это — когда большие змеи, толще его ног и как минимум в несколько раз выше него, опутывают тело.

Ыню был просто опьянен приятным ощущением, пробежавшимся по коже каждый раз, когда существа скользили по нему. Конечно, Ыню довели до такого состояния не просто приятные фрикции. Он не знал, что змеи-самцы своими выделениями привлекают самок. Ыню не был самкой, но их выделения сработали отлично. Будучи крайне истощенным, его упавшее с неба тело вернулось к жизни благодаря этому.

По какой-то причине Ыню был полностью голым, и, будучи обнаженным, он всем телом впитывал выделения змей. Стремительно поддавшись опьянению от этих выделений, Ыню начал глубже погружаться в сексуальное удовольствие, которого никогда не испытывал раньше. Змеи отлично понимали его состояние. Эти самцы приняли его за самку и обвили его руки, ноги и торс, желая спариться с ним.

Всего змей было семь. Обычно во время спаривания множество самцов дерутся за одну самку, чтобы оплодотворить ее. Когда самцы ухаживают за самкой, это называется балом оплодотворения, потому что он действительно напоминает большой бал. Они возбуждают самку выделениями и ласкают. То, что они делали с Ыню, не отличалось от большого бала.

Скольжение

Змея, обвивающая ноги Ыню, медленно задвигалась. Скользя вверх по его ноге, она сунула морду между его ногами. В точности как и любое другое существо, предвкушающее соитие, большая змея инстинктивно искала детородные органы Ыню.

Вагина, уже тающая от змеиных выделений и настойчивых касаний, соблазняла змей, выделяя липкую жидкость. Первая змея, добравшаяся до промежности Ыню, дернула длинным заостренным язычком и глубже толкнулась мордой.

Кончик языка змеи пощекотал вход Ыню. Его девственная киска, которой никогда не касалась ничья рука, кроме его собственной, чутко отреагировала на скользкий язык змеи. Эта киска, аккуратная, безволосая, была красной, контрастируя с гладкой бледной кожей. Раскрасневшаяся плоть собиралась в пещерку, влажную и разверстую, словно ожидающую, когда в нее войдут.

Длинный тонкий язык двигался гибко, словно червяк, трогая вагину Ыню. От ощущения этого языка, гладко скользящего по мембране, Ыню неосознанно застонал и выгнул бедра. Язык змеи блуждал вне вагины, между половыми губами, затем он постепенно нырнул глубже и пробил вход в центре.

Змеиный язык исследовал его сузившуюся киску, облизывая влажные внутренние стеночки. Ему нравилось здесь, где было влажно и тепло. Кроме того, внутри было полным-полно любовной жидкости. Змея поскребла внутренние стеночки языком, зачерпывая жидкость, и подергала им, словно гребла. Каждый раз, как язычок змеи дергался в его вагине, глаза Ыню расширялись, и он вздрагивал, не зная, что должен делать. Приятное покалывающее ощущение наполняло нижнюю часть его живота.

Пока одна змея ласкала вагину внутри, другая приблизилась к мужским гениталиям Ыню. Вторую змею заинтересовал его член. Змея, твердо обвившись вокруг вставшего члена, прижалась к нему. От одного холодного, но скользкого прикосновения тела змеи к его гениталиям и двух движений по всей длине Ыню испытал удовольствие, которому не мог противостоять.

Ыню, обычно чаще мастурбировавший членом, дернул бедрами и сжал змею, сам того не осознавая. Он двигался сам, потираясь членом о скользкое тело. Пока одна змея двигалась внутри вагины, другая гладила член. Из-за того, что оба органа стимулировали одновременно, у Ыню вращались глаза. Уже растаявший от одновременной стимуляции обоих половых органов он почувствовал, что больше не может это выносить.

— Ух-х... хн-н, хорошо, да...

Возбуждение Ыню нахлынуло на него и затуманило разум удовольствием, и в это время змея, обвившая член, высунула язык. Длинный и тонкий язычок скользнул по кончику покрасневшего члена.

Ощупывая яйца, алые, как фрукты, язык вскоре добрался до маленького отверстия, из которого сочилась скользкая жидкость.

Язык змеи вошел в его уретру, змея распахнула пасть, из которой текли слюни. Тонкое и узкое отверстие было достаточно просторным для потрясающего языка.

— А-а!

Вздрагнув, Ыню громко застонал, и его голова дернулась вверх. Прикосновения к уретре вызвали совсем иные ощущения, нежели ласки вагины или члена. Это сопровождалось дискомфортом. Когда незнакомое вещество коснулось чувствительных участков тела, неопишуемое ощущение смешалось с порывом боли.

Хотя он и забылся от удовольствия, Ыню попытался подняться. Однако его конечности оплели

змеи, что не позволяло пошевелиться. Ыню, покраснев, вскрикнул. Тем не менее, змея неуклонно продолжала проталкивать длинный язык в его уретру.

Язык, дойдя по прямому каналу до конца, легко изогнулся и скользнул глубже. Змея взяла его яйца в рот, словно пытаясь заглотить. Затем она протолкнула язык так далеко, как только могла.

Медленно пройдя всю уретру, язык захватил чувствительный орган, прежде чем добраться до мочевого пузыря. Ыню, стонавший и дергавшийся до сих пор, был потрясен и выгнул спину, когда простата, спрятанная глубоко в животе, ощутила змеиное прикосновение.

<http://bllate.org/book/13060/1153842>